

Михайловцы
Сборник воспоминаний. Выпуск 2

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М69

М69 Михайловцы: Сборник воспоминаний. Выпуск 2 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 306 с.

ISBN 978-5-458-78248-7

О Михайловских артиллерийских училищ и академии и их питомцах.
С иллюстрациями.

ISBN 978-5-458-78248-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

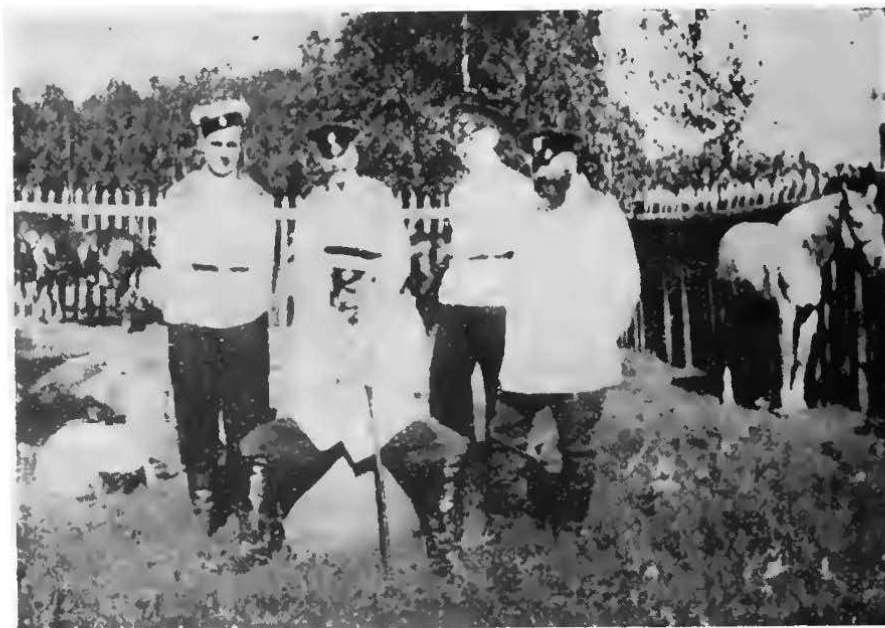

Е. И. В. Великій Князь
Михаилъ Александровичъ
въ чинѣ подпор. Гвард. Конн. Артил. — 1899 г.
Августѣйшій Михайловецъ, выпуска 1898 г.

(Убитъ 18 Юля 1918 г.).

Е. И. В. Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Е. И. В. Великій Князь Андрей Владиміровичъ (п-ю. М. А. У.),
полк. Епанчинъ, кадетъ Т. Т. Бѣляевъ, ген. Т. М. Бѣляевъ
(к-ръ Л.-Гв. 1 арт. бр). Сидить ген. Васмундъ.
(Снято на Финляндскихъ маневрахъ 1898 г.)

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ.

Пользуясь нашимъ Сборникомъ, какъ средствомъ связи, сообщаемъ однокашникамъ, что:

Его Императорское Высочество Великій Князь Андрей Владиміровичъ соизволилъ принять на себя званіе Почетнаго Предсѣдателя Общества Михайловцевъ.

Задержка въ печати 2-го выпуска произошла изъ-за неаккуратной присылки денегъ, которыхъ было недостаточно для начала печатанія и только благодаря помощи одного изъ Михайловцевъ, давашаго дополнительную сумму, можно было приступить къ изданію 2-ой книжки.

Матеріала для Сборника прислано такъ много, что пришлось длинныя статьи подѣлить, оставивши вторую часть для 3-го выпуска.

Разсылая книжки 2-го выпуска Сборника, мы объявляемъ подписку на 3-й выпускъ и просимъ присылать матеріалы для текста а также свои фотографіи и необходимыя о себѣ свѣдѣнія (имя, отчество, фамилія, чинъ, годъ выпуска, для ускоренныхъ и мѣсяць, наименованіе части, въ которой началъ и закончилъ службу — въ Императорской Арміи и во время Гражданской войны, и теперешній адресъ). Это просится потому, что выражено желаніе, чтобы былъ приложенъ списокъ членовъ Общества Михайловцевъ. Кто не хочетъ, чтобы его адресъ помѣщался въ печати, пусть объ этомъ извѣститъ.

Если не будетъ задержки въ присылкѣ денегъ, то 3-й выпускъ будетъ печататься отъ 1-го мая 1938 г.

Подписная цѣна для 3-го выпуска назначается: для Югославіи — 36 динаръ (съ доставкой), для остальныхъ странъ — 1 долларъ. При присылкѣ личныхъ фотографій для клише, просимъ, кромѣ стоимости клише (считая по $1\frac{1}{2}$ динара за квадратный сантиметръ, но не меньше 20 дин.), прилагать еще 10—40 динаръ для оплаты печатанія, такъ какъ тогда можно будетъ, не уменьшая числа страницъ текста, сдѣлать сборникъ болѣе объемистымъ, въ зависимости отъ количества присланныхъ фотографій.

Для оплаты отвѣтовъ просимъ присылать почтовые купоны или марки.

Ген.-лейт. Мих. Ник. *Промтовъ.*

Ген.-маіоръ Ник. Степ. *Батюшинъ.*

Полковникъ Серг. Иван. *Лашковъ.*

Полковникъ Іоак. Іоаким. *Сахновскій.*

Капитанъ Евг. Петров. *Яковлевъ.*

Рез. капитанъ Конст. Воиславов. *Саватіевичъ.*

Сотникъ Алекс. Иванов. *Крыловъ.*

Конст. Вас. Снигиревскій
Ген.-м., вып. 1873 г.

„ВОСПОМИНАНІЯ СТАРЪЙШАГО“ (1870—1873 г. г.).

„Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!“
Пушкинъ.

Чтеніе воспоминаній, помѣщенныхъ въ I выпускѣ „Михайловцы“, доставило мнѣ истинное и давно непереживаемое удоволь-

ствіе, всколыхнуло мою душу и сердце и потому вызвало глубокую благодарность и признательность инициаторамъ, редактору и первымъ сотрудникамъ, такъ красочно, подробно и совершенно исчерпывающе, описавшимъ жизнь Михайловскихъ Академіи и Училища за время обученія въ этихъ учрежденіяхъ, а равно также мѣтко, правдиво, съ величайшей любовью и уваженіемъ изобразившихъ нравы, привычки и цѣнность умственного багажа бывшихъ при нихъ профессоровъ и штатныхъ преподавателей, какъ и лицъ строевого состава Училища.

Ген.-лейт. М. Н. Промтовъ поступилъ въ Михайловское Училище въ сент. 1874 г., а я окончилъ Училище

Ген.-м. К. В. Снигиревскій — 1937 г. (вып. Уч. 1873 г.).

въ августѣ 1873 года, такъ что только одинъ годъ былъ проме-

жуткомъ между нашимъ пребываніемъ въ этомъ Училищѣ, а потому жизнь его не могла сколько-нибудь замѣтно измѣниться за такой короткій срокъ и на мою долю остается только немного дополнить ее несущественными мелочами и рассказать кое-что о своихъ товарищахъ по выпуску и ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Разкажу подробно о томъ, что въ въ мое время у Михайловцевъ въ шутку называлось „праздникомъ св. мостовъ“. До постройки въ 1875 и послѣдующихъ годахъ постоянного Литейнаго моста черезъ Неву, только Николаевскій на гранитныхъ устояхъ, Тучковъ и Сампсоніевскій на деревянныхъ сваяхъ были постоянными мостами, а Литейный, Троицкій и Дворцовый — были пловучими, на плашкоутахъ; Биржевого же и Охтенскаго совсѣмъ не существовало. При осеннихъ и весеннихъ ледоходахъ всѣ пловучіе мосты снимались съ якорей и буксирными катерами цѣликомъ отводились къ правому берегу рѣки и тамъ закрѣплялись.

Въ это время, чтобы изъ артиллерійскаго гнѣзда, т. е. Литейной части города, попасть въ учебныя артиллерійскія учрежденія, какъ-то Академію, Училище, Пиротехническую школу и Школу Донскихъ казачьихъ урядниковъ, необходимо было проѣхать черезъ Николаевскій, Тучковъ и Сампсоніевскій мосты. Разстояніе это, громадное само по себѣ, увеличивалось еще тѣмъ, что проѣзда по набережной мимо зданій Адмиралтѣйства не существовало и эти зданія приходилось объѣзжать, да и на Петербургской сторонѣ приходилось объѣзжать территорію Петропавловской крѣпости и Зоологическаго сада. Въ городѣ во время ледоходовъ всегда бывала распутица и одинаково трудно было ѣздить и на саняхъ и на колесахъ. Для ускоренія на Васильевскомъ приходилось перемѣнять извозчиковъ.

На этотъ путь въ оба конца требовалась не менѣе 5 слишкомъ часовъ и не дешево стоило, а потому дней на 10—15 совершенно прекращались лекціи во всѣхъ поименованныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это у насъ и называлось „праздникомъ св. мостовъ“, хотя репетиціи и производились.

Весной этого праздника не существовало, какъ не было и праздника Св. Пасхи. Обыкновенно въ концѣ 3-ей недѣли Великаго Поста заканчивались всѣ лекціи въ Училищѣ и Академіи до будущаго учебнаго года. На 4-ой недѣлѣ всѣ говѣли, а съ 5-ой начинались экзамены и потому на Пасхѣ шель усиленный зубрежь. Только самые экзамены не назначались съ четверга Страстной до Среды Пасхальной недѣль. Такіе ранніе экзамены вызывались тѣмъ, что они должны были заканчиваться не позже 2—3-го мая, дабы 4—5-го числа Училище могло выступить въ лагерь въ Красное Село, для практической стрѣльбы, пока всѣ поля въ окрестностяхъ Краснаго Села свободны до 1 іюня, когда выступали въ лагерь пѣхотныя и кавалерійскія части.

Проѣзда по набережной Невы вдоль фасада зданія Училища не было и потому здѣсь былъ широкій плацъ, доходившій до самой рѣки, ограниченной невысокой гранитной набережной. На этомъ плацу производились конныя ученія съ орудіями, а по субботамъ — церемоніальные марши подъ звуки духоваго оркестра Л. Гв. 1-ой арт. бригады, приглашавшагося за установленную плату.

Въ зданіи Училища была настоящая русская баня съ „ѵолкомъ“ для парящихся. Топилась она каждую среду въ послѣобѣденное время. — Въ эти дни тамъ мылись и парились всѣ, кто хотѣлъ. Въ проходномъ дворѣ между зданіями собственно Училища и химической лабораторіи существовалъ небольшой газовый заводъ, обслуживавшій Училище, кромѣ жилыхъ помѣщеній, лабораторію со множествомъ калильныхъ лампочекъ для анализовъ и аудиторію, а кромѣ того и Медицинскую Академію, находящуюся черезъ дорогу отъ Училища.

Теперь коснусь лицъ преподавательскаго персонала.

При мнѣ въ среднемъ классѣ Дифференціальное исчисленіе читалъ извѣстный математикъ **Рощинъ**, который тогда еще не былъ профессоромъ, а лишь штатнымъ преподавателемъ. — Скромный, въ высшей степени вѣжливый, въ щегольской черной скруточной парѣ, четко и красиво писалъ на доскѣ свои выкладки. Въ его формулахъ царила такая логика, что не понять ихъ было невозможно. Впослѣдствіи, когда онъ вышелъ въ отставку, то проживалъ въ Кіевѣ и прекрасно писалъ масляными красками пейзажи и этюды съ натуры.

Вотъ что мнѣ было извѣстно о профессорахъ Академіи генераль-лейтенантахъ **Гадолинѣ** и **Маевскомъ**. Оба они были Георгіевскими кавалерами со времени Севастопольской кампаніи. Въ ихъ присутствіи на фронтѣ одна изъ непріятельскихъ бомбъ упала на земляную крышу пороховаго погреба и продолжала крутиться, а деревянная трубка въ очкѣ бомбы — дымилась. Оба они разомъ взобрались на крышу погреба и вдвоемъ сбросили бомбу на землю. Къ счастью, трубка заглохла и бомба не разорвалась, но, несомнѣнно, оба рисковали и жертвовали своей жизнью, за что и были награждены орденомъ св. Георгія. Оба они ежедневно проходили по нашему классному корридору, направляясь изъ классовъ Академіи въ инспекторскую и обратно. Относительно Гадолина не помню, а генерала Маевского какъ сейчасъ вижу съ золотымъ аксельбантомъ.

Генераль Маевскій читалъ въ Академіи курсъ Баллистики и написалъ по этому предмету цѣлое сочиненіе, т. е. книгу. По какому-то поводу произошло затрудненіе съ изданіемъ этой книги въ Россіи и, конечно, на русскомъ языкѣ, и потому ген. Маевскій немедленно рѣшилъ перевести сочиненіе на французскій языкъ и издать книгу въ Парижѣ. Все это дѣло быстро наладилось, и парижскій издатель корректурные листы для первой провѣрки присылалъ въ Петербургъ, а дальнѣйшая корректура совершалась въ Парижѣ.

Въ Академіи же Баллистика читалась по черновикамъ будущей книги. Слушатели Академіи какъ разъ тогда готовились къ экзамену по Баллистикѣ, на что было дано нѣсколько дней. Поручикъ Стессель, готовясь по этимъ запискамъ, нашелъ одинъ математическій выводъ неправильнымъ. Долго, долго надъ нимъ бился, но окончательный выводъ у него, все-таки, выходилъ не тотъ, что значился въ запискахъ. Для провѣрки себя онъ обращался къ товарищамъ, но тѣ гнали его прочь, такъ какъ у вся-

каго время было дорого и никто не соглашался его выслушать. Наконецъ Стессель рѣшилъ обратиться къ самому профессору. Тотъ коротко сказалъ: „изложите все письменно и передайте для просмотра шт. капитану Забудскому“ (его секретарь-академикъ). Стессель такъ и сдѣлалъ, но все это произошло въ послѣдній день, данный на подготовку. Весь остальной курсъ Стессель не успѣлъ даже и просмотрѣть. Штабсъ-капитанъ Забудскій призналъ выводы Стесселя безусловно правильными и сообщилъ объ этомъ и генералу Маевскому и Стесселю. Тѣмъ не менѣе, послѣдній былъ въ отчаяніи, т. к. ему грозилъ провалъ на экзаменѣ по одному изъ главныхъ предметовъ. Товарищи доложили объ этомъ ген. Маевскому, тотъ односложно отвѣтилъ: „Хорошо“.

Наступилъ день экзамена. А надо сказать, что ни въ Академіи, ни въ Училищѣ на экзаменахъ и репетиціяхъ насъ не вызывали, а выходили мы сами, когда кто хотѣлъ, и говорили: „Г-нъ профессоръ, разрѣшите взять билетъ“ (на экзаменѣ) или же „г. профессоръ, не ошкаржите прорейшировайтъ меня“. „Пожалуйста“, былъ отвѣтъ.

Стессель не выходилъ до самаго конца экзамена и когда онъ остался однимъ неспрошеннымъ, то ген. Маевскій, какъ председатель комиссіи, заявилъ, что поручику Стесселю онъ ставитъ 12 балловъ безъ всякаго экзамена. Одинъ изъ членовъ комиссіи возразилъ, что этимъ нарушаются традиціи Академіи. — Маевскому это не понравилось, но онъ, не возражая, сказалъ Стесселю: „возьмите билетъ“. Тотъ взялъ, показалъ № билета и прочиталъ въ программѣ тѣ вопросы, на которые долженъ былъ отвѣчать. Маевскій говоритъ: „Ну, для Васъ это пустяковые вопросы, а Вы лучше расскажите намъ“ — о томъ-то, т. е. какъ разъ о томъ вопросѣ, надъ которымъ Стессель работалъ въ дни подготовки, и когда онъ отвѣтилъ, то Маевскій сказалъ: „Ну войтъ, и форма соблюдена и Вы получаете 12 балловъ за ойвъйтъ“. — Въ Парижъ была послана телеграмма о возвращеніи корректуры.

Исторію артиллеріи читалъ намъ полк. Эгерштромъ. Человѣкъ высокаго роста, хорошаго сложенія, прямо красавецъ брюнетъ. Обычно, рассказывая о какомъ-нибудь оружій, на доскѣ писалъ его названіе, напр. „праца“ или „аркебузъ“, „лукъ“, „стрѣла“ и при этомъ въ доску „бумъ“ — это ставилъ такъ точку, а мѣлъ разбивался вдребезги. Полк. Эгерштромъ обучалъ насъ и артил. черченію. По характеру это былъ джентльменъ высокой марки.

Инспекторомъ классовъ Академіи и Училища былъ въ мое время полк. Демяненковъ; онъ же въ младшемъ классѣ читалъ Военную администрацію. Обыкновенно, приходя въ классъ, онъ садился не совсѣмъ спиной къ юнкерамъ, а такъ, что называется, въ $\frac{3}{4}$, т. е. лицомъ къ углу между стѣной, при которой на мальбертахъ стояли доски, и боковой. Цѣлый часъ, не оборачиваясь, просиживалъ въ такой позѣ и затѣмъ, при концѣ лекціи, вставалъ и уходилъ. Говорилъ прекрасно, отчетливо и даже литературно, несмотря на сухость предмета. За три года полк. Демяненковъ ни разу ни съ однимъ изъ юнкеровъ ни о чемъ не говорилъ.

Всѣ распоряженія по инспекторской части намъ сообщались для исполненія черезъ помощника инспектора полк. Кирпичева.

Это былъ общій любимецъ, чудная личность, хотя и большой оригиналь. Носилъ всегда сюртукъ изъ толстѣйшаго драпа, съ пришитыми наглухо погонами. Если приходилось надѣвать сюртукъ съ эполетами, то они пристегивались поверхъ погонъ. Это особенно казалось страннымъ тогда, когда, до производства въ полковники, онъ носилъ капитанскіе эполеты. Въ то время всѣ говорили, что будто бы Левъ Львовичъ Кирпичевъ, провалившись на экзаменѣ изъ Механики, не то въ Училищѣ, не то въ Академіи, далъ себѣ слово быть профессоромъ Механики. Если это правда, то слово свое сдержалъ, такъ какъ при миѣ онъ и читалъ Механику въ Училищѣ, а въ Академіи — профессоръ Вышнеградскій. Въ дальнѣйшемъ я еще вернусь къ личности Л. Л. Кирпичена.

Учебный залъ (Клиновыя пушки обр. 1877 г. и горная пушка обр. 1882).
Изъ альбома 1895 г.

Въ младшемъ классѣ полк. Усовъ читалъ намъ изъ Физики только одинъ отдѣлъ, именно о „Свѣтѣ“. Въ теченіе всего года онъ знакомилъ насъ съ тѣмъ методомъ, которымъ необходимо обрабатывать отдѣлы по физикѣ въ математическомъ отношеніи. Не помню были ли у насъ репетиціи, но экзамены по этому отдѣлу физики мы держали. Полк. Усовъ часто встрѣчающійся коэффициентъ обозначалъ греческою буквою μ , выговаривающейся какъ „мю“. На лекціяхъ полк. Усова только и слышалось „мой мю“, „мой мю“, такъ что мы и его самого прозвали „мой мю“.

Законовѣдѣніе читалъ адъюнктъ Петербургскаго Университета Чиколини. Его лекціи были чрезвычайно интересны, ибо Судебныя Уставы Императора Александра II только что введены были въ жизнь. Знакомство не только съ новымъ судоустройствомъ и

судопроизводствомъ, но и съ сущю самихъ законовъ было чрезвычайно полезно. Очень долго прослужилъ я въ Окружномъ Арт. Управленіи Одесскаго Военнаго Округа, занимая послѣдніе 10 лѣтъ должность правителя дѣлъ этого Управленія. За это время мнѣ не разъ приходилось выступать и въ Окружномъ Судѣ и въ Судебной палатѣ по защитѣ казенныхъ интересовъ въ процессахъ на десятки тысячъ рублей. Въ результатѣ казна ни копѣйки не заплатила по этимъ процессамъ.

Одно время, когда мы были въ младшемъ классѣ, насъ замучили частыми репетиціями. Предстояли репетиціи по Механикѣ, на подготовку къ которымъ дали очень мало времени. Мы черезъ ходоконъ отъ всего класса обратились къ Льву Львовичу Кирпичеву съ просьбою — отсрочить репетиціи дня на два. Онъ отказалъ въ этомъ наотрѣзъ. Почему-то эти репетиціи были назначены на одинъ день и не вечеромъ, а взамѣнъ его лекціи по Механикѣ. Онъ вызывалъ насъ по одному и каждый изъ насъ отвѣчалъ, что не готовъ еще репетироваться, по недостатку времени на подготовку. Тогда онъ предложилъ рѣшить одну общую для всѣхъ задачу по Механикѣ. Стали спрашивать, — какъ ее рѣшить? Л. Л. К. терпѣливо объяснилъ. Въ концѣ концовъ эту задачу рѣшилъ онъ самъ; намъ оставалось только подставить надлежащія цифры и произвести ариѳметическія дѣйствія, что нами и было выполнено. Одинъ изъ юнкеровъ — **Краевскій**, блистательно окончившій и Училище и Академію и бывший впоследствии Начальникомъ Артиллеріи Петербургскаго военнаго Округа, спросилъ даже: „А сколько будешь семью-девять? Л. Л. отвѣтилъ. Конечно, все это было мальчишество, но вѣдь мы тогда и были 17-лѣтними мальчишками. Всѣмъ намъ было поставлено по нолю, а эта отмѣтка всякаго лишала права на отпускъ, впредь до исправленія балла. Это насъ мало огорчало, такъ какъ деревянные мосты были разведены, а 25 ноября того же 1870 года предстояло празднованіе 50-лѣтняго юбилея Училища и Академіи. У Л. Л. Кирпичева была большая и очень цѣнная научная библіотека съ рѣдкостными униками, содержавшаяся въ идеальномъ порядкѣ и потому онъ не любилъ давать своихъ книгъ кому бы то ни было, такъ какъ зналъ, что люди, за рѣдкими исключеніями, варварски обращаются съ книгами, да и зачитать книгу не считается большимъ грѣхомъ, даже, вѣрнѣе, простой кражей. Однажды, Кирпичевъ, все-таки, далъ одну изъ своихъ книгъ слушателю Академіи на опредѣленный срокъ. Срокъ истекъ, а книга возвращена не была; а когда, мѣсяца черезъ полтора послѣ срока, офицеръ принесъ книгу, то Кирпичевъ поблагодарилъ его, но книги не принялъ, такъ какъ успѣлъ приобрѣсти другой экземпляръ, переплести его и водворить на мѣсто. Съ тѣхъ поръ никто не рѣшался просить книгъ у Л. Л. Кирпичева.

Полк. **Федоровъ** пользовался репутаціей такого выдающагося профессора Химіи, что, не смотря на знаменитыхъ химиковъ, находящихся въ Университетѣ, Медицинской Академіи и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, все же обратились за содѣйствіемъ къ полк. Федорову, чтобы разрядить бомбу, заложив-

ную въ подкопѣ на Садовой улицѣ изъ подвальной лавки нѣкого Кобозева и обнаруженную послѣ цареубійства Императора Александра II. Полк. Федоровъ предугадалъ, что бомба заряжена гремучей ртутью, взрывающейся при малѣйшемъ сотрясеніи, и все-же, рискуя жизнью, съумѣлъ разрядить бомбу безъ вреда для себя и безъ ущерба для другихъ.

Наконецъ настало 25 ноября 1870 года, день 50-лѣтія съ основанія въ 1820 году Михайловскихъ Артиллерійскихъ Училища и Академіи. Празднованіе этого юбилея началось служеніемъ торжественной литургіи и молебна. Служилъ архимандритъ Александр-Невской Лавры Ювеналій, бывшій нѣкогда фельдфебелемъ нашего Училища (Иванъ Половцевъ), въ сослуженіи съ настоятелемъ церкви и другими священниками и діаконами. На обоихъ клиросахъ размѣстились два хора юнкеровъ, пѣвшихъ подъ общимъ управленіемъ учителя пѣнія, состоявшаго въ придворной капеллѣ.

Въ конференцъ-залѣ, во всю ея длину и ширину, покоемъ размѣщены были столы и накрыты для параднаго завтрака. Въ верхнемъ рядѣ оконъ конференцъ-зала, на внутренней стѣнѣ, три окна выходятъ въ большую комнату внѣ зала, замѣняющую хоры этого зала. Въ этой комнатѣ помѣстился оркестръ, игравшій во время завтрака.

Къ 1 часу дня прибылъ Государь Императоръ Александръ II, съ громадной и блестящей свитой, въ которой находились почти всѣ Великіе Князья того времени, Генераль-Адъютанты, Военный Министръ Милютинъ, Нач. Гл. Штаба Непокойчицкій, Свитскіе генералы, Флигель-адъютанты и цѣлое море артиллеристовъ и офицеровъ другихъ родовъ оружія.

У всѣхъ дверей, начиная съ главнаго подъѣзда, черезъ которыя проходилъ Государь, стояли парные часовые, конечно юнкера, въ различныхъ формахъ, существовавшихъ за эти 50 лѣтъ. Освѣщеніе зала, сервировка, украшеніе стола и самое „меню“ были неподражаемо превосходны.

Когда разлито было шампанское, то начались тосты. Первый, конечно, за Государя Императора. Всѣ встали, какъ одинъ человекъ и, конечно, не чокаясь, высоко подняли бокалы и прокричали „Ура!“ подъ звуки народнаго гимна „*Боже Царя храни!*“. Въ такомъ же порядкѣ слѣдовали и другіе тосты, ихъ было не такъ много и всѣ они были короткими. Около 2¹/₂ часовъ всѣ разошлись.

Въ обычное время, въ 4 часа, мы, т. е. юнкера, отправились въ свою столовую — обѣдать. За этотъ день было пережито столько впечатлѣній, что подробно всего „меню“ обѣда не помню, почему-то сохранилось лишь въ памяти, что на жаркое намъ подали жареныхъ гусей. Въ общемъ, обѣдъ былъ превосходный и довольно щедро угостили насъ шампанскимъ.

Къ 8 часамъ вечера Училище въ полномъ составѣ, со своими офицерами, отправилось въ Маріинскій театръ, гдѣ мы заняли ложи всего 1-го яруса. Шла опера Глинки „*Жизнь за Царя*“. Передъ началомъ оркестръ трижды исполнилъ гимнъ „*Боже Царя храни*“.